

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-3>

УДК 811.161.2

Attribution

cc by

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ
СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ван Юйцун, Габдреева Н.В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, институт филологии и межкультурной коммуникации

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу стратегий перевода безэквивалентной лексики в современных китайских литературных произведениях на примере разновременных переводов И.А. Егорова («Последний император» Су Тона, 2008 г.; «Большая грудь, широкий зад» Мо Яня, 2013 г.; «Смерть пахнет сандалом» Мо Яня, завершённый Батыгиным К. в 2024 г.). Цель работы – выявить эволюцию подходов к передаче этнографических, ассоциативных и семантических безэквивалентных единиц в условиях диахронического развития переводческой практики. Методология включает сравнительный анализ текстов оригинала и переводов, классификацию лексики по трем типам и оценку трансформационных стратегий (транслитерация, калькирование, описательный перевод, функциональная замена).

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, переводческие стратегии, диахронический анализ, китайская литература, этнографические реалии, ассоциативная семантика, культурная адаптация, транслитерация, комментарий, межкультурная коммуникация.

Финансирование: выполнена при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям / CSC.

Original article

UNTRANSLATABLE VOCABULARY IN RUSSIAN DIACHRONIC TRANSLATIONS
OF MODERN CHINESE LITERATURE

Wang Yucong, Natalia V. Gabdreeva

Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Philology and Cross-Cultural Communication

Abstract. This study is dedicated to the analysis of translation strategies for untranslatable vocabulary (безэквивалентная лексика) in modern Chinese literary works, examining the diachronic translations by I.A. Yegorov ("The Last Emperor" by Su Tong, 2008; "Big Breasts and Wide Hips" by Mo Yan, 2013; "Sandalwood Death" by Mo Yan, completed by K. Batygin in 2024). The aim of the work is to identify the evolution of approaches in rendering ethnographic, associative, and semantically untranslatable units within the context of the diachronic development of translation practice. The methodology includes comparative analysis of source texts and translations, classification of lexicon into three types, and evaluation of transformational strategies (transliteration, calque, descriptive translation, functional substitution).

Keywords: untranslatable vocabulary, translation strategies, diachronic analysis, Chinese literature, ethnographic realities, associative semantics, cultural adaptation, transliteration, commentary, cross-cultural communication

Funding: completed with the financial support of the Chinese Scholarship Council/CSC.

Введение.

Современная китайская литература, отражающая глубокие социальные преобразования и богатое культурное наследие Китая, представляет значительный интерес для русского читателя. Однако её перевод на русский язык сталкивается с фундаментальной трудностью – безэквивалентной лексикой, то есть словами и выражениями, не имеющими прямых аналогов в русской языковой картине мира.

Изучение безэквивалентной лексики представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных проблем современного переводоведения. В контексте переводов китайской литературы на русский язык данная проблема проявляется особенно ярко, поскольку затрагивает глубокие пласты культурно-обусловленной семантики.

В данном исследовании мы предлагаем классифицировать безэквивалентную лексику на три основных типа:

1. Этнографическая безэквивалентная лексика – слова и выражения, обозначающие реалии, уникальные для китайской культуры и не имеющие аналогов в русскоязычном пространстве (например, "炕" – кан – лежанка с подогревом; "节气" – цзеци – 24 сезона сельскохозяйственного календаря).

2. Ассоциативная безэквивалентная лексика – единицы языка, вызывающие специфические культурно-обусловленные ассоциации у носителей китайского языка (например, "青龙" – цинлун – зелёный дракон как символ востока и весны; "红杏出墙" – хунсин чуян – "алое сливы цветение за стеной" с импликацией супружеской неверности).

3. Семантическая безэквивалентная лексика – слова с уникальной семантической структурой, отражающие особенности китайского мировоз-

зрения (например, "仁义" – жэньи – сочетание человеколюбия и справедливости; "关系" – гуаньси – система межличностных связей).

Поскольку такая классификация позволяет системно анализировать различные типы переводческих проблем, возникающих при передаче китайской культурной специфики на русский язык, этнографический слой охватывает предметно-культурные реалии, ассоциативный – коннотативные и образные значения, семантический – системные языковые расхождения.

Диахронический подход к исследованию данной проблематики позволяет проследить эволюцию переводческих стратегий на материале произведений, переведенных в разные временные периоды. Творчество Игоря Александровича Егорова представляет особую ценность для такого анализа, поскольку охватывает значительный временной промежуток – с 2008 по 2024 год.

Материалом исследования послужили три ключевых произведения в переводе Егорова:

Последний император (《我的帝王生涯》) Су Тона (2008) – первый перевод китайской прозы, выполненный Егоровым

Большая грудь, широкий зад (《丰乳肥臀》) Мо Яня (2013) – зрелый период творчества переводчика

Смерть пахнет сандалом (《檀香刑》) Мо Яня (2024) – завершающий труд, оконченный Батыгиным К. после кончины Егорова.

Особую значимость данному исследованию придает тот факт, что последний труд переводчика – роман "Смерть пахнет сандалом" Мо Яня – остался незавершенным и был дополнен Батыгиным К. после кончины И.А. Егорова. Это обстоятельство позволяет не только проанализировать эволюцию переводческих подходов мастера, но и проследить преемственность в стратегиях перевода безэквивалентной лексики.

Данная статья отдает дань уважения памяти Игоря Александровича Егорова – выдающегося переводчика-синолога, чей вклад в распространение современной китайской литературы в русскоязычном пространстве невозможно переоценить. Его работы стали мостом между культурами и ценным материалом для исследователей переводческого искусства.

Обсуждение

В раннем переводе "Последний император" (2008) Егоров применял преимущественно описательный перевод и описательный перевод + транслитерацию для передачи этнографических реалий. Например, термины, связанные с императорским дворцом и ритуалами, часто сопровождались пояснениями, вставленными в текст или данные в сносках. Такой подход отражал осторожность переводчика и стремление сделать китайскую культуру максимально доступной для русского читателя.

Например:

1) 我在龙榻上辗转反侧, 想起我下令割去了那些可怜的妇人的舌头, 突然觉得有点害怕, 现在没有什么声音来折磨我的耳朵了, 我反而更加难以入眠 [6, с. 19].

Но я ворочался с боку на бок на **царском** ложе, из головы никак не шли языки, что я приказал вырвать у этих несчастных женщин, и страх сжимал мне сердце [3, с. 16].

2) 黛娘因此被割去十指, 投入了肮脏的冷宫 [6, с. 17].

За это Дайнян лишилась всех десяти пальцев на руках, и ее бросили в грязный **Холодный дворец** — **Лэн Гун** [3, с. 14].

Прим. Название «Холодный дворец» указывало на то, что император больше не посещал наложницу и не проводил с ней время.

2) 端文的婚典在侧宫的青鸾殿举行 [6, с. 57].

Свадебная церемония состоялась в **Цинлу-аньдянь** — **Зале Лазоревой Птицы Луань** [26] боковой пристройке дворца [3, с. 70].

Прим. Согласно китайским поверьям, из крови волшебной птицы «луань» добывается клей, обладающий чудесными свойствами, в том числе скрепляющий брачные узы.

腊月初三的早晨, 我的西巡队伍浩浩荡荡地通过德辉门 [6, с. 39].

Утром третьего дня двенадцатой луны я со свитой величественно проследовал через **Ворота Си-янния Добродетели** [3, с. 40].

3) 对端武暗施宫刑的计划错过了 [6, с. 61].

План тайно применить к Дуаньбу «**дворцовое наказание**» сорвался [3, с. 75].

Прим. «Дворцовое наказание» — кастрация, после которой мужчин допускали во внутренние покои дворца.

4) 我将一颗夜明珠塞进死去的老妇人的嘴中, 死人的颧部鼓起来又凹陷下去, 这样她的遗容看上去更像是一种讥讽的冷笑 [6, с. 103].

Я вложил в рот старой дамы **лучистую жемчужину**, напряженно выступавшие уголки мертвого рта расслабленно опустились, и из-за этого стало еще больше казаться, что он искривился в холодной язвительной усмешке [3, с. 122].

Прим. В древности китайцы думали, что лучистая жемчужина («е мин чжу») — это глаз кита. Считалось, что если ее опустить в воду, несколько месяцев не появится затхлый запах, а если положить в рот покойнику, его тело не будет гнить.

К 2013 году, при переводе романа «Большая грудь, широкий зад» (《丰乳肥臀》), переводческая стратегия Игоря Егорова претерпела значительную эволюцию. Анализ текста показывает, что в его переводе увеличилась частота использования транслитерации (*Ципао, Саньцзыцзин, Цзунцзы, Куайбань и т.д.*) и карькирования (Троесловие, Суньятсеновский френч, Народная коммуна, Стол Восьми Бессмертных, Лунный заяц и т.д.), в то время как описа-

тельный перевод соответственно сократился. Что касается этнографической безэквивалентной лексики, переводчик чаще применял стратегию транслитерации (прямое заимствование), сохраняя её китайское фонетическое звучание и дополняя затекстовыми комментариями для разъяснения.

Например:

1) 茂腔一唱, 乱了三纲五常; 茂腔一听, 忘了爹爹亲娘 [4, с. 119].

Как говорится, когда исполняют маоцян, в голове смешиваются **три начала и пять принципов**; правда и то, что, когда маоцян слушаешь, отца с матерью забываешь [1, с. 145].

Прим. Три начала и пять принципов – подчинение подданного государю, подчинение жены мужу и подчинение сына отцу; гуманность, справедливость, вежливость, разумность и верность.

2) 大厅正中摆着一张紫色八仙桌, 桌上摆着热气腾腾的两个大盆。一个盆里是野鸡, 一个盆里是野兔 [4, с. 155].

Пройдя через несколько галерей, мы вошли в большой зал, где на красном **столе Восьми Бессмертных** стояли два больших дымящихся блюда – одно с фазаном, другое с зайчатиной.

Прим. Стол Восьми Бессмертных – старинный квадратный стол на восемь персон.

Однажды двух лягушек мне в ночной горшок подложил! А вдругорядь аж «Саньцзыцзин» сумел переиначить.

3) 上官金童在街上扫地时, 被“红卫兵”打破了脑袋。他脸上粘着血, 站在梧桐树下, 听着四姐的诉说, 心里感到一阵阵抽痛 [4, с. 469].

Цзиньтун, весь в крови – **хунвэйбины** разбили голову, когда он подметал улицу, – стоял под утунгом, с невыносимой болью в сердце слушая рассказ сестры [1, с. 539].

Прим. Хунвэйбины – букв. красные охотники: члены созданных в 1966 г., во время «культурной революции», отрядов из числа студентов и старших школьников.

Это изменение не только отражает склонность переводчика к стратегии иностранзации – направленной на максимальное сохранение экзотического культурного колорита оригинала, но и свидетельствует о его растущем признании и доверии к познавательным способностям российской читательской аудитории, уверенности в том, что она способна понять китайскую культурную реальность без чрезмерной адаптации со стороны переводчика.

Особый интерес представляет анализ завершённого Батыгиным К. перевода "Смерть пахнет сандалом" (2024), где прослеживается как преемственность подходов Егорова, так и индивидуальные особенности стиля Батыгина. В частности, Батыгин сохраняет тенденцию к использованию транслитерации для этнографических терминов, но добавляет бо-

лее развернутый глоссарий, что может рассматриваться как компромисс между подходом Егорова и стремлением сделать текст доступным для широкой аудитории.

Ср.:

1) 马洛亚牧师静静地躺在炕上, 看到一道红光照耀在圣母玛利亚粉红色的乳房和她怀抱着的圣子肉嘟嘟的脸上 [4, с. 9].

С **кана**, на котором недвижно возлежал пастор Мюррей, было видно, как полоска красного света упала на розоватую грудь Девы Марии и пухлое личико Младенца у нее на руках [1, с. 21].

Прим. Кан – отапливаемая лежанка в традиционном китайском доме.

2) 那天夜里, 俺心里有事, 睡不着, 在炕上翻来覆去烙大饼 [5, с. 10].

Вечером того дня мне было тревожно на душе и не спалось. Я ворочалась на **лежанке-кане** туда-сюда, как большой блин.

Прим. Кан – подогреваемая кирпичная или глиняная лежанка в Северном Китае. На канах спят, сидят и едят. – Прим. ред.

3) 他说这种哭声其实和宫墙外更夫的铜锣声是一样的, 既然**更夫必须随时**报告夜漏的消息, 冷宫里的嫔妃也必须以哭声迎接黎明的到来 [6, с. 25].

По его мнению, этот плач ничем не отличался от звона медного гонга **ночного сторожа**, совершавшего обход за стенами дворца [3, с. 15].

4) 脚穿木底油靴的值夜**更夫**, 从青石条铺成的大街上, 踢踢踏踏走过去, 析声“梆梆”, 锣声“当当”, 三更天了 [5, с. 11].

Стуча деревянными подметками непромокаемых сапог, идет **ночной сторож**, улица выложена голубоватыми плитками, стучит колотушка, доносятся звуки гонга. Третья смена стражи [2, с. 15].

Прим. Стражи – примерно двухчасовые отрезки времени, на которые делилась ночь в Древнем Китае. Смена стражи происходила по бою гонга, по звукам которого и отмерялось течение времени.

5) 直到春暖花开的**清明节**, 司马家的十九颗人头还悬挂在福生堂大门外的木架子上 [4, с. 124].

Головы девятнадцати членов семьи Сыма провисели на деревянной раме за воротами Фушэнтана до самого **праздника Цинмин**, когда стало по-весеннему тепло и начали распускаться цветы [1, с. 151].

Прим. Цинмин – день поминовения усопших.

6) **清明节那天**, 下着牛毛细雨, 一团团破棉絮似的灰云, 在天地间懒洋洋地滚动 [5, с. 22].

На **Праздник Чистого света** моросил мелкий дождь, между небом и землей клочками ваты неторопливо плыли серые облака [2, с. 29].

Прим. Праздник Чистого света (Цинмин) – День поминовения усопших.

这是秘色青瓷，是瓷器中的麒麟凤凰，天下也许只有这一件 [4, с. 133].

Это сокровенный синий фарфор, вещь редкая, как **цилинь** или феникс, таких в Поднебесной, может, больше и нет [1, с. 160].

Прим. Цилинь – мифический зверь, изображаемый в виде одноногого оленя, покрытого пластинами, как носорог.

这枪用的是银子弹，上打天上的凤凰，下打地上的麒麟。从打盘古开天地，这样的鸟枪只有一支，绝没有第二支 [5, с. 46].

Это ружье стреляло серебряными пулями, ими можно было сбить феникса в небе, уложить **цилиня** на земле [2, с. 51].

Прим. Цилинь – мифологическое существо, китайская вариация на тему химеры: обычно изображается с несколькими рогами, чешуйчатой кожей, телом коня, ногами оленя, головой дракона и медвежьим или бычьим хвостом. – Прим. ред.

Анализируя переводческие стратегии Игоря Александровича Егорова в разные периоды, можно наблюдать не только изменения, но и устойчивые, специфические закономерности.

Для китайских специфических реалий, полностью отсутствующих в славянской культуре из-за различий в материальной среде, культурных традициях и историческом пути развития, переводчик обычно склоняется к стратегии транслитерация с комментариями.

Эта практика особенно заметна при работе с типичными китайскими культурно-значимыми лексическими единицами (например, *Чуньцзе* – праздник весны, китайский Новый год; *Дуйлянь* – традиционные парные благопожелательные надписи с равным числом иероглифов, часто строчки из стихов; их вешают перед входом в дом и т.д.) на фоне углубляющегося китайско-российского взаимодействия.

К такой лексике относятся характерные для Китая названия должностей, концепты институтов, традиционные единицы измерения, названия предметов растений, животных, уникальных блюд и т.д. В таком случае транслитерация позволяет максимально сохранить фонетическую форму исходного языка и экзотический культурный колорит, а сопровождение краткими внутритекстовыми пояснениями или затекстовыми сносками/примечаниями позволяет создать для читателя перевода более полную и точную культурную картину. Это не только позволяет избежать потерь или искажений культурной информации, возможных при буквальном или вольном переводе, но и эффективно передает глубокое культурное содержание и историческое наследие, стоящие за словами. См. примечания Игоря Александровича в переводах этих трех произведений:

Цзинь – мера веса, равная 0,5 кг.

Дань – мера веса, равная 100 цзиням, ок. 50 кг

Цунь – мера длины, равная 3,3 см.

Чи – мера длины, ок. 30 см.

Му – мера площади, равная 1/15 га.

Цин – мера площади, равная 100 му, т. е. 5,2 га.

А также отрывке из оригинала/оригинала перевода:

1) **状元** 红的风袍，船形裘帽和镶金腰带，足蹬一双厚底皂靴 [6, с. 91].

Красный халат с фениксами — такой носят обладатели степени **чжуаньюань**, — меховая шапочка лодочкой, пояс с золотыми пластинками и черные сапоги с толстыми подошвами. [3, с. 108]

2) **文状元武状元文武状元**，有道是三百六十行行行出**状元**。咱家就是刽子行里的大**状元** [5, с. 338].

На экзаменах могут присуждаться триста шестьдесят степеней **чжуаньюаня** по гражданским, военным и гражданско-военным делам. В ремесле палачей я – первейший **чжуаньюань** [2, с. 365].

Прим. Чжуаньюань – цзиньши-победитель на столичных экзаменах, первый кандидат на занятие высоких должностей.

3) 我曾就这个疑问请教翰林院大学士邹之通 [6, с. 60].

Как-то я поделился своими сомнениями с Цзоу Чжитунем, членом академии **Ханьлинь**, и попросил у него наставления [3, с. 73].

Прим. Академия Ханьлинь – основана в VIII веке при династии Тан и состояла из лучших ученых – конфуцианцев, которые в том числе выполняли литературные и иные поручения двора.

4) 就在盼弟吞吞吐吐地劝慰着我们时，在白马湖外丁翰林家那片苍松遮日的墓地里，沙口子村的崔凤仙，一个顶着狐狸仙位的寡妇，用一块黑色的卵石，有节奏地敲击着表彰着丁翰林嘉言懿行的青石墓碑 [4, с. 376].

Паньди неумело пыталась утешить нас, а в это время за озером Баймаху, на заросшем соснами семейном кладбище ученого из **Ханьлинь**, вдова из деревни Шакоуцзыцунь по имени Цуй Фэнсянь, которую считали лисой-оборотнем, ритмично постукивала черным глышом по позеленевшей стеле на могиле ученого, где в камне восхвалялись его золотые слова и выдающиеся деяния [1, с. 436].

Прим. Ханьлинь – академия, основанная танским императором Сюаньцзунем (VIII в.) для контроля за чиновничьими экзаменами, а также для поддержания конфуцианской морали.

5) 什么举人家的小姐，什么翰林府里的千金，比不上老娘一根脚指头 [5, с. 26]

Любые барышни из семей **цзюйжэней**, любые дочери академиков «**Ханьлинь**» не стоят даже пальца моей ноги [2, с. 30].

Прим. Академия «Ханьлинь» – отдельное учреждение, выступавшее в течение значительной части имперского периода канцелярией при правителях Китая. – Прим. ред.

Когда же явление или концепт, обозначаемые словом исходного языка, имеют функционально

или по назначению похожий или соответствующий эквивалент в славянской культуре, для снижения когнитивной нагрузки читателя перевода и облегчения понимания переводчик чаще рассматривает стратегии объяснительный перевод или функциональная замена.

Например:

1) 腊月初三的早晨, 我的西巡队伍浩浩荡荡地通过德辉门 [6, с. 39].

Утром третьего дня двенадцатой луны я со свитой величественно проследовал через Ворота Си-янния Добродетели [3, с. 40].

2) 热闹时大道两边车马相连, 满大街上飘漾着鸡鸭鱼肉的奇香。还有一些没有名号的小吃铺, 卖包子的, 打火烧的, 烙大饼的, 煮豆腐脑的 [5, с. 65].

В оживленные часы по обеим сторонам улочки выстраивались конные экипажи, по всей улице разносились ароматы деликатесов. Были еще закусочные без названий, где продавали **пирожки на пару, хлебцы, блины, загустевший соевый творог** [2, с. 72].

3) 老先生, 这参是小的亲自去**生药铺里**, 亲眼看着秦七那个老狐狸开了锁着三把大铁锁的**揪木柜子**, 从一个**青花瓷**坛子里取出来的 [5, с. 322].

Почтенный господин за этим женьшенем недостойный сам ходил в **лавку лекарственных трав**, своими глазами видел, как эта старая лиса Цинь Седьмой открывал запертый на три железных замка **деревянный шкаф** и доставал этот женьшень из **бело-синего фарфорового** кувшина [2, с. 350].

Однако необходимо отметить, что даже в подобных случаях добавление соответствующих комментариев часто остается необходимым и полезным. Поскольку это помогает читателю перевода увидеть возможные тонкие культурные различия между ними, выходя за рамки поверхностного функционального соответствия и достигая более глубокого, подлинного культурного понимания и обмена. См.:

房东是一个白发苍苍的老秀才, 对知县毕敬毕恭, 敬烟敬茶, 还献上了一桌子酒饭。有**红萝卜烧野兔**, 有**大白菜炖豆腐**, 还有一坛泰米酿造的**黄酒** [5, с. 263].

Хозяин – седоволосый сючай – встретил начальника уезда со всем уважением и почитанием и предложил им вино и еду: **дикого кролика, тушеного с морковью, тушеный же соевый творог с капустой** и кувшин **желтого вина из проса** [2, с. 287].

Прим. Доуфу (тофу, соевый творог) — продукт из соевых бобов, богатый белком и обладающий нейтральным вкусом (то есть собственный вкус у доуфу почти отсутствует), что позволяет использовать его во многих блюдах.

Стоит особо отметить, что по мере углубления китайско-российского культурного обмена и участия двустороннего взаимодействия роль переводческой деятельности как культурного моста стано-

вится все более значимой. В этом контексте, некоторые уникальные концепты, возникшие из китайской культуры, и безэквивалентная лексика после длительного и интенсивного использования и распространения постепенно были полностью поглощены и интериоризированы системой русского языка, став языковыми компонентами, широко принятыми и даже используемыми в повседневной жизни российскими читателями. Яркими примерами являются, но не ограничиваются: Фэн-шуй, Тофу, Женьшень и т.д.

Это явление не только отражает глубину языкового контакта и культурного слияния, но и демонстрирует, что степень познания и принятия китайской культуры среди русскоязычных читателей постоянно растет.

Что заслуживает более глубокого анализа, так это то, что известный переводчик Игорь Александрович в своей недавней переводческой практике продемонстрировал все более «радикальный» стратегический поворот. Он больше не удовлетворен традиционной и надежной моделью «транслитерация + комментарий», а предпринял более творческие и новаторские попытки, такие как:

Прямое внедрение китайской лексики: при описании определенных культурных практик или философских концептов смело использовать оригинальные китайские слова, полагаясь на контекст и растущие культурные знания читателей для понимания, вместо того чтобы постоянно искать «эквивалентную замену» в русском языке (*Иньюэ* – музыка, *Дуаньхунь* – душа, покидающая тело, *Би гу* – даосская практика воздержания от употребления в пищу зерновых для достижения просветления, *Шэнли* – победа и т.д.).

Грамматическая интеграция и адаптация: активно использовать правила русского языка (например, падежные окончания, словообразование) для «русификации» транслитерированной лексики, чтобы она морфологически интегрировалась в русскую систему, в то же время сознательно сохраняя и даже усиливая ее восточный колорит на слуховом и визуальном уровнях, чтобы создать насыщенную и аутентичную атмосферу китайской культуры.

Например:

1) 还有人**参半斤**在宋三的怀里揣着。他摸出来, 亲手交给俺, 隔着纸包俺就嗅到了一等好参那股苦苦的香气 [5, с. 322].

За пазухой у Суна Третьего было еще **полцзиня** женьшеня. Он вынул его и передал мне. Через бумажный пакет я услышал горьковатый аромат первоклассного женьшеня [2, с. 350].

2) 这些参粗的如筷子, 细的如豆秸, 都拖着些须毛, 轻飘飘的, 怎够**半斤**? [5, с. 322].

Клубни были толщиной с палочки для еды, тонкие как стебли бобов, все в волосках, развевающихся на ветру. Разве будет здесь **полцзиня**? [2, с. 350].

В основе этой стратегии лежит высокая уверенность переводчика в способности читателя целевого языка воспринимать культуру и философия перевода, направленная на продвижение «прямого перевода» культуры и глубокого взаимопонимания. Это выходит за рамки простой передачи информации и стремится создать чувство близости и опыт погружения в китайскую культуру в русскоязычном контексте, что можно рассматривать как продвинутую и смелую практику стратегии "иностранизации" в культурном переводе.

Перевод лексики с ассоциативной безэквивалентностью представляет собой одну из ключевых трудностей в межкультурной коммуникации. Данные единицы языка несут в себе не только прямое номинативное значение, но и глубокий историко-культурный подтекст, национально-психологические особенности и социально-коллективную память, объём информации в которых значительно превосходит прямое значение.

Для точного понимания заложенной в них символики, эмоциональной окраски и социальной оценки переводчику часто требуется привлекать обширные литературные источники, изучать культурный контекст и даже консультироваться с носителями языка.

Примечательно, что, несмотря на сложность процесса понимания «ассоциативной безэквивалентной лексики», подходы к её переводу относительно систематизированы и отличаются высокой степенью устойчивости. Для наиболее представительных антропонимов (например, *Сунь Укун* – могущественный царь обезьян, персонаж классического романа «Путешествие на Запад», *Чэнь Шимэй* – герой одной из пьес традиционного китайского театра, так называемой пекинской оперы, символ коварного мужа, бросившего жену ради другой. Осужден знаменитым судьей Бао) и топонимов (Остров Пэнлай — по повериям китайцев, обитель бессмертных), а также других конкретных лексем, способных вызывать у носителей различные культурные ассоциации (например, *Утун* – дерево с округлой или зонтиковидной кроной, достигающее высоты 10 м. Древесина используется для изготовления традиционных китайских музыкальных инструментов.), переводчики чаще всего применяют комбинацию стратегий «транслитерация / объяснительный перевод + комментарий» (транслитерация/объяснительный перевод + комментарий).

Суть данного подхода заключается в следующем: посредством транслитерации максимально сохраняются фонетическая форма исходного языка и маркеры иной культуры, а затем с помощью комментария осуществляется культурная компенсация и экспликация значения, что позволяет насильственно имплантировать или целенаправленно сформировать у реципиента перевода ассоциативную функцию, максимально эквивалентную таковой в культуре исходного языка

Многочисленные примеры показывают, что данная стратегия демонстрирует заметную устойчивость как в долгосрочной практике разных переводчиков, так и в работах одного переводчика (например, Игоря Егорова) в разные периоды его деятельности. Это отражает формирование в переводческом сообществе высококонсенсусной и эффективной методологической традиции при столкновении с определенными типами культурных барьеров.

См.:

1) **来自品州商贾富户的蕙妃聪敏伶俐、国色天香** [6, с. 67].

Умная, живая и сообразительная Хуэйфэй была родом из семьи богатых торговцев в **Пиньчжоу** [3, с. 62].

Прим. Название «Пиньчжоу» можно также перевести как «удел нравственности».

2) **我猜她是想等到南伐胜利之日撒手归西** [6, с. 102].

Я понял, что она хочет дождаться его победного возвращения из похода на юг и лишь потом **отправиться на запад** [3, с. 99].

Прим. Запад считался у китайцев страной мертвых.

3) **据说是我少年时代的老师僧人觉空首先发现了这个世外桃源，他先于我八年抵达此地，拓垦了粮田和菜园，所谓的苦竹寺也是他花费三年时间慢慢建成的** [6, с. 173].

В прежние века покрытый густым лесом высокогорный район не принадлежал никому, говорят, этот «**персиковый рай во внешнем мире**» первым обнаружил наставник моих детских лет, монах Цзюэкун, который добрался сюда за восемь лет до меня [3, с. 207].

4) **可怜的母女俩，她们要在黄泉路上见面了** [6, с. 40].

Бедные мать и дочь, знать, только на пути к **Желтому Источнику** и встретятся [3, с. 42].

Прим. Желтый Источник — в китайской литературной традиции — царство мертвых.

5) **孙子们，都给我爬上来吧，再挖就到黄泉了** [4, с. 68].

Быстро вылезайте, идиоты, вы мне так до самого **Желтого источника** докопаете [1, с. 86].

Прим. Желтый источник – страна мертвых.

6) **我的儿啊——惨惨惨哪！一双小儿女也命丧黄泉** [5, с. 189].

Мои дети, ах, какое горе! И сын, и дочь отправились к **Желтому источнику** [2, с. 206].

Прим. Желтый источник – страна мертвых.

7) **俺想起了亲爹孙丙。爹，你这一次可是做大了，好比是安禄山日了贵妃娘娘，好比是程咬金劫了隋帝皇纲，凶多吉少，性命难保** [5, с. 12].

Вспомнился мне собственный отец Сунь Бин. Батюшка, ты на этот раз заважничал, верно, как **Ань Лушань**, переспавший с императорской налож-

ницей **Ян-гуйфэй**, или как **Чэн Яоцзинь**, похитивший планы правителей Суй. Это не предвещает ничего хорошего, трудно сохранить жизнь [2, с. 16].

Прим. Ань Лушань – китайский военачальник, который в середине VIII века возглавил восстание против династии Тан (618–907 годы).

Ян-гуйфэй – окутанная многими легендами и сказаниями наложница при дворе династии Тан.

Чэн Яоцзинь – китайский военачальник, служивший при династии Тан.

Цзиньши – высшая ученая степень в системе китайских государственных экзаменов для занятия официальных постов.

8) 尚书、侍郎，走马灯一样地换，就是我这个姥姥**泰山**一样稳当 [5, с. 47].

Министры, товарищаминистров сменялись, как лошади в фонаре, только я, бабушка, стоял неизменно, как **гора Тайшань** [2, с. 53].

Семантическая безэквивалентная лексика представляет собой одну из ключевых трудностей в переводоведении и сопоставительной лингвистике. Она относится к лексическим единицам, которые существуют в одном языке, но не имеют полного соответствия в другом в связи с уникальной семантической структуры, глубокого культурного содержания или специфической понятийной категории. Значение таких слов обычно далеко выходит за рамки буквального перевода, неся в себе богатую культурную идентичность, историческое наследие и философские концепции, что делает их концентрированным воплощением культурной специфики языка.

Обработка семантической безэквивалентной лексики особенно сложна, поскольку она сочетает в себе характеристики как этнографической безэквивалентной лексики, так и ассоциативной безэквивалентной лексики. Её происхождение глубоко отражает различия в языке, культуре и образе мышления:

Различные способы «членения» мира языками: Разные языки категоризируют опыт по-разному. Слово в исходном языке может охватывать широкую или высокоспециализированную семантическую категорию, тогда как в целевом языке может потребоваться несколько слов или фраз для описания его различных аспектов.

Например, возьмем уже рассмотренную безэквивалентную лексическую единицу **腊月** (12-й месяц по лунному календарю), в зависимости от разных контекстов Игорь Александрович применил разные стратегии:

1) **腊月初三**的早晨，我的西巡队伍浩浩荡荡地通过德辉门 [6, с. 39].

Утром третьего дня **двенадцатой луны** я со свитой величественно проследовал через Ворота Сияния Добродетели [3, с. 40]

2) 接下来我二姐做敲冰状，**做在冰水里洗衣服状**。她浑身瑟瑟，犹如一片挂在**腊月**树梢的枯叶 [4, с. 151].

Тут она изобразила, что раскалывает лед и стирает в ледяной воде белье, трясясь всем телом, как

высохший листок на верхушке дерева в **зимнюю пору** [1, с. 146].

3) 还有小顺子，你这个寒冬**腊月**蹲锅框的小叫花子 [5, с. 14].

А ты, маленький попрошайка, ведь сидел на корточках у котла на улице в **любые морозы!** [2, с. 18].

Различия в семантических коннотациях и ассоциациях: Дополнительные значения слова, такие как эмоциональная окраска, стилистические особенности и ассоциативные значения, часто обладают высокой культурной специфичностью. Например, китайский «**龙**» символизирует благородство и удачу, в то время как западный «дракон» часто представляет зло; это различие в ассоциациях напрямую влияет на выбор стратегии перевода:

1) 我在**龙榻**上辗转反侧，想起我下令割去了那些可怜的妇人的舌头，突然觉得有点害怕，现在没有什么声音来折磨我的耳朵了，我反而更加难以入眠 [6, с. 19].

Но я ворочался с боку на бок на **царском** ложе, из головы никак не шли языки, что я приказал вырвать у этих несчастных женщин, и страх сжимал мне сердце [3, с. 16].

2) 笙管齐鸣，**金龙**驾车，凤凰起舞。送子娘娘骑着麒麟，抱着大胖孩子 [4, с. 629].

Играют дудки и свирели, колесницей правит золотой **дракон**, кружатся в танце фениксы. А вот и матушка-чадоподательница верхом на цилине с пухлым младенцем на руках [1, с. 719]

3) 他小子鬼迷心窍，忘了一个基本道理，那就是，大凡当上了皇帝的，都是真**龙天子** [5, с. 46].

Этого негодяя черт попутал, он забыл элементарную истину, а именно, что любой, кто стал императором, – **дракон**, настоящий сын Неба. [2, с. 51]

4) **咸丰**爷爷**龙颜大怒** [5, с. 46].

Батюшка Сяньфэн исполнился **царственного** гнева [2, с. 51].

Различия в сочетаемости (коллокации):

Например:

1) **咸丰**爷爷决定选用一种特别的酷刑来拾掇小虫子，借此杀鸡给**猴看** [5, с. 47].

Батюшка Сяньфэн решил выбрать особо жестокую казнь, чтобы проучить Сяо Чунцзы. Как говорится, **зарезать курицу**, чтобы **лисам** неповадно было [2, с. 52].

Китайская идиома «убить курицу на глазах у обезьян» (杀鸡给猴看) представляет собой высокоустойчивое фразеологическое выражение, значение которого не может быть просто выведено из буквального толкования. Его ядро заключается в идее «наказать одного, чтобы предупредить другого».

В китайской культуре «обезьяна», условно, ассоциируется с умом и сообразительностью, но также часто связывается с образом «непоседливой, озорной, нуждающейся в дисциплине» (что и отражено в контексте, подразумеваемом этой

идиомой). Здесь «обезьяна» относится к тем потенциальным, нуждающимся в устрашении озорникам. В русской лингвокультуре слово «обезьяна» чаще несёт негативные коннотации, связанные с «глупым подражателем» (как в глаголе «обезьянничать» – механически копировать), «безобразием» или «комичностью»; её «сообразительность» часто имеет оттенок несерьёзности, комизма. Это слово редко используется для обозначения того, кого нужно сурово предостеречь, – «хитрого потенциального нарушителя». Напротив, «лиса» в русском языке является абсолютным воплощением «хитрости, коварства, изворотливости» (что совпадает с негативным образом лисы в китайской культуре). Она идеально соответствует тому хитрому объекту, которого нужно устроить, и которого в идиоме представляет «обезьяна».

Таким образом, буквальный перевод «... чтобы обезьянам неповадно было» вызовет недоумение у русского читателя: зачем пугать «обезьян»? Замена же на «лиса» мгновенно активирует в сознании читателя концепцию «предостережения для хитрецов», достигая функциональной эквивалентности.

Следовательно, подход переводчика в данной ситуации является продвинутым: он отказался от буквального соответствия и вместо этого ухватился за ключевую функцию идиомы (предостережение) и характеристику объекта (хитрость), после чего выбрал в русском языке модель выражения, которая не только передаёт функцию предостережения, но и чей субъект (лиса) соответствует характеристикам объекта. Хотя в русском языке, возможно, не существует идиомы, полностью идентичной по форме, структура «зарезать курицу, чтобы лисам неповадно было» является для русского языка естественной и понятной; а выбор слова «лиса» немедленно делает всю метафору яркой и соответствующей русской культурной логике.

Таким образом, для перевода такой семантической безэквивалентной лексики не существует единого универсального метода. От переводчика требуется не только свободное владение двумя языками, но и глубокое межкультурное понимание. На практике переводчикам часто необходимо всесторонне учитывать контекст, гибко использовать различные стратегии и стремиться к динамическому балансу между максимальным сохранением культурного своеобразия исходного слова и обеспечением понятности для читателя перевода.

Результаты.

Проведенное исследование стратегий перевода безэквивалентной лексики в работах И.А. Егорова позволяет выделить следующие ключевые результаты:

1. Эволюция переводческих стратегий: Выявлена четкая диахроническая динамика в подходе И.А. Егорова. В ранних работах (например, «Последний император», 2008 г.) преобладала стратегия описательного перевода и транслитерации с коммента-

риями для передачи культурно-специфических реалий. В более поздних переводах («Большая грудь, широкий зад», 2013 г.; «Смерть пахнет сандалом», 2024 г.) наблюдается переход к комбинированным методам с увеличением доли транслитерации с комментариями и каркирования, что отражает растущую уверенность переводчика в способности русскоязычного читателя понимать китайские культурные концепты.

2. Классификация и обработка безэквивалентной лексики: Систематизированы три основных типа безэквивалентной лексики и подходы к их переводу:

Этнографическая безэквивалентная лексика: основной стратегией является транслитерация с комментариями, что позволяет сохранить фонетическую форму и культурный маркер, обеспечивая при этом смысловое раскрытие

Ассоциативная безэквивалентная лексика: применяются транслитерация с комментариями и контекстуальные замены.

Семантическая безэквивалентная лексика: используется комбинированный подход - поиск оптимального компромисса между адекватностью (стремление сохранить оригинальный смысл и культурный колорит) и коммуникативной эффективностью (обеспечение понятности и естественности для целевой аудитории) с учетом контекста оригинала.

3. Факторы, влияющие на выбор стратегии: Анализ показал, что выбор стратегии зависит от типа безэквивалентной лексики, культурного контекста и временного периода создания перевода. С увеличением глубины китайско-русского культурного обмена И.А. Егоров все чаще отдает предпочтение стратегиям, которые не только передают значение, но и сохраняют культурное своеобразие оригинала, минимизируя семантические потери.

В целом, исследование подтверждает, что успешный перевод безэквивалентной лексики требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания культурного контекста обеих стран, а также способности находить баланс между буквальной точностью и коммуникативной эффективностью.

Заключение.

Настоящее исследование демонстрирует, что творческое наследие Игоря Александровича Егорова представляет собой уникальный материал для изучения эволюции подходов к переводу безэквивалентной лексики. Проведенный анализ подтверждает четкую динамику в переводческих стратегиях - от осторожной адаптации к смелому сохранению культурной аутентичности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в более детальном сопоставительном анализе конкретных лексических единиц в разных переводах, а также в изучении принятия переведенных Егоровым произведений в русскоязычной культурной среде.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Мо Янь. Большая грудь, широкий зад /Перевод с китайского, примечание И. Егорова. – СПб.: Амфора, 2013
2. Мо Янь. Смерть пахнет сандалом / Перевод с китайского, примечание И. Егорова., К. Батыгин. – М.: Эксмо, 2024. – 669 с.
3. Су Тун. Последний император / Перевод с китайского, примечание И. Егорова. – М.: АСТ, 2008. – 277 с.
4. 莫言. 丰乳肥臀[M]. 北京: 作家出版社, 2013.
5. 莫言. 檀香刑[M]. 上海: 上海文艺出版社, 2012.
6. 苏童. 我的帝王生涯[M]. 武汉: 长江文艺出版社, 2014.

References:

1. Mo Yan; per. s kit. Igor' Egorov. (2013). Bol'shaya grud', shirokiy zad[Big Breasts and Wide Hips]. 654 p. Sankt-Peterburg, Amfora. (In Russian)
2. Mo Yan; per. s kit. Igor' Egorov, K. Batygin. (2024). Smert' pakhnet sandalom[Sandalwood Death]. 669 p. Moskva, Eksmo. (In Russian)
3. Su Tun; per. s kit. Igor' Egorov. (2008). Posledniy imperator[My Life as an Emperor]. 277 p. Moskva, AST. (In Russian)
4. Mo Yan. Feng Ru Fei Tun[Big Breasts and Wide Hips]. Beizhing: Vriter's Publishing Khouse. 2013. (In Chinese)
5. Mo Yan. Tan Ksiang Ksing[Sandalwood Death]. Skhangkhai: Skhangkhai Literature and Art Publishing Khouse. 2012. (In Chinese)
6. Su Tong. Vo De Di Vang Skheng Ya[My Life as an Emperor]. Vukhan: Skhangzhiang Literature and Art Publishing Khouse. 2014. (In Chinese)

Информация об авторах:

Габдреева Наталия Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет, E-mail: n.gabdreeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

Ван Юйцун, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, E-mail: a1834471058@gmail.com

Natalia V. Gabdreeva, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Head of Department of Russian as a Foreign Language, Kazan Federal University

Wang Yucong, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Its Teaching Methods, Kazan Federal University

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.09.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.09.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.